

ЕРМОЛОВА, Москвин, Мартин Иден и драматург Эдвард Радзинский, однажды «проснулись» известными. Одна за другой появились на нашем театре пьесы Радзинского «Вам 22, старики!», «104 страницы про любовь», «Снимается кино». И от одной к другой нарастал общественный, зрительский интерес. Почему? Ведь пьеса «Вам 22, старики!», поставленная в Театре имени Ленинского комсомола, еще многим раздражала — нарочитыми жаргонными словечками, искусственно затейным сюжетом — мол, и мог бы писать просто, но не принято. И все же и в этой пьесе, пьесе-заявке на собственный почерк, было нечто обратившее на себя внимание. Молодой драматург пишет о молодежи, о своем поколении. Если в драматургии тридцатых годов, в послевоенной драме юности и девушки в основном решали вопрос, кем быть, то в пьесах Радзинского, продолжателя традиции В. Розова, они решают, какими быть. Они приводят современнейшие свои профессии, которыми уже овладели, в соответствие с нравственными рубежами, которые им еще предстоит взять.

И в каждой пьесе Радзинского есть один, одна — герой, героиня, по-новому, самостоятельно оценившие бытующие в их среде взгляды. В пьесе «Вам 22, старики!» это был некто Тим Кубасов, молодой физик, отбросивший дружбу-жалость и провозгласивший дружбу-жестокость. Помощь посредственности — считает он — губительна для прогресса.

А потом в драме «104 страницы про любовь», пьесе, вызвавшей шумные споры, была стюардесса Наташа, по-своему, наивно, но также сказавшая нечто свое. Она, поначалу понимавшая современную любовь как легкие, ни к чему не обязывающие отношения, захотела душевной чистоты и высокого накала чувств. Всего лишь на любовном свидании раскрылись ее мечты о верной и долгой любви. Что ж, свидание для многих героев русской литературы становилось местом самой полной исповеди.

А теперь Театр имени Ленинского комсомола показал новый спектакль Радзинского «Снимается кино» (по-

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ

становка А. Эфроса). И здесь молодой кинорежиссер Федор Федорович Нечаев должен определить свои нравственные позиции. Он снимает фильм. Но почему-то все лучше его знают, что нужно и что не нужно фильму. Все толкуют, оценивают, судят, произносят приговоры, отпускают актеров и отменяют съемки, не платят или платят деньги... И все это делают решительнее, определеннее, быстрее, чем он сам.

Точнее, чем режиссер Нечаев, знает правду о его фильме редактор. И модная критикесса знает лучше. Лучше знает слова, которыми надо обволакивать искусство, чтобы оно не вырвалось из среднего, милого, не тревожащего. «Предугадывает» судьбу картины некто ответственный работник в кинематографе. И еще хорошо знает, что должен делать и чего не должен делать художник, его жена, опекающая, оберегающая, предостерегающая, вечно ждущая, всегда недовольная...

А что же сам режиссер? Федор Нечаев возмущается своими «опекунами», но как-то вяло. Компромисс, страх, желание нравиться поселились в его душе... И снова исповедь, монолог. Художник говорит о том, что у каждого истинного таланта должны быть свои высоты, которых нельзя уступать. Он уступил и теперь наказан. Так, мысль Нечаева перекликается с молодой нетерпимостью физика Кубасова из пьесы «Вам 22, старики!», который не хотел спускаться с гор науки, чтобы не погрязнуть в мелочной, губительной суете «околонауки», «околожизни».

...Двигается действие спектакля «Снимается кино». Работает режиссер, и каждую минуту остановка — кто-то приехал, позвонил... Минута за минутой зреет в душе героя, которого с большой душевной отдачей, умно играет А. Ширвиндт, взрыв. И вот он произошел.

Человек хотел всего лишь выйти в дверь. Но дверь не открылась. Однако именно здесь обычный житейский случай воспринимается как поэтический образ. Дверь, которую хочет отворить герой спектакля, как бы символическая. Она разделяет искусство и ремесло. Это эмоциональная кульминация спектакля. Дверь открывается. Простой случай читается нравственной победой.

И еще одна кульминация в спектакле, еще один взрыв. Мечутся в кинокапильные статисты, бегают, настраивают инструменты музыканты. И вдруг на первый план выходит трубач — актер Л. Каневский. Все смолкает, и звучит труба. Звучит свободно, вольно, ликующе, как гимн жизни без компромиссов, как приговор призракам и страхам.

Эта же тема — радости, победности истинного творчества — есть и в исполнении С. Гиацинтовой роли старой актрисы. Она тоже выходит на авансцену, и в зал несутся ее ликующие слова о том, что «актрисе всегда восемнадцать».

О молодости таланта этот спектакль и о духовной старости тех, кто чужд искусству.

Да, спектакль этот заставляет думать, думать о своих делах, днях и поступках. Но и о драматурге продолжает думать. Он еще столько не сказал людям, что рано ему повторяться, цитировать собственные сцены и образы. Ну кто же не узнает в бестолковом романе кинорежиссера и юной статистки (О. Яковлева) трудной истории стюардессы Наташи и физика Евдокимова из «104 страниц про любовь». Повтор ситуации не есть углубление собственной темы, скорее это леность мысли, завитки на проверенных витках бывшего успеха. Иногда драматург скользит по поверхности, как-то не задевая глубин неоткрытых слоев души, философии, времени. Иногда хлесткая, интеллектуальная шуточка, едкая ирония, «милый» нигилизм, нифантильная ужимка, столичный «шик» вдруг огтесняют истинные раздумья. Нет, нет да и выглядывает из-за серьезного лица писателя эдакий «стильный» и наивный мальчик.

...Радзинский интересно строит морально-этические конфликты своих произведений. Сегодня для него уже пришла пора зрелой гражданской ясности. Мы знаем, против чего борется герой его пьесы «Снимается кино». Он борется против того, что мешает искусству, что делает его примитивным, бескрылым. И это необыкновенно важно. Но хотелось бы, чтобы его герой шире и полнее объяснил нам, как понимает он существо того искусства, за которое он борется. Этого автор еще не сказал.

Ждем следующих пьес!

И. ВИШНЕВСКАЯ

Воспоминания о жизни, 1965, 16 страниц